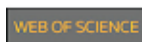

Джумагулова А. Т. Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков / А. Т. Джумагулова // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 7. — С. 377—397. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397.

Dzhumagulova, A. T. (2022). Features of State of Economy of Nogai Societies of North Caucasus in 19th — Early 20th Centuries. *Nauchnyi dialog*, 11(7): 377-397. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-7-377-397

Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков

Джумагулова Айгуль Темерхановна
orcid.org/0000-0002-4067-956X
приглашенный исследователь ¹
кандидат исторических наук, доцент ²
aigul-men@mail.com

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (Элиста, Россия)

² Ставропольский государственный педагогический институт, филиал в г. Ессентуки (Ессентуки, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного гранта № 22-18-00313

Features of State of Economy Of Nogai Societies of North Caucasus in 19th — Early 20th Centuries

Aigul T. Dzhumagulova
orcid.org/0000-0002-4067-956X
Visiting Researcher ¹
PhD in History, Associate Professor, ²
aigul-men@mail.com

¹ Kalmyk State University named after B. B. Gorodovikov (Elista, Russia)

² Stavropol State Pedagogical Institute, a branch in Essentuki (Essentuki, Russia)

Acknowledgments:

The study is supported by Russian Science Foundation project number 22-18-00313

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Актуальность исследования обусловлена малоизученностью и фрагментарной освещенностью проблемы развития и регресса традиционных хозяйственных отраслей ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков. Новизна исследования состоит в том, что в настоящей работе положение основных хозяйственных отраслей ногайцев (коневодство, овцеводство, разведение крупного рогатого скота) рассмотрено в исторической ретроспективе во взаимосвязи государственной политики, направленной на перевод кочевых ногайцев в оседлое состояние, сокращения пастбищных пространств и природно-климатических явлений и факторов, вызывавших в экономике кочевых обществ чрезвычайные ситуации, вследствие чего обедневшие скотоводы были вынуждены переходить к полукочевой или оседлой форме жизни. Автор обращает внимание на то, что в условиях дефицита водных источников и экстремальной (аномально холодной и аномально жаркой) погоды экстенсивное кочевое скотоводство ногайцев в XIX — начале XX веков проживало серьезный кризис. Сделан вывод о том, что в конце XIX — начале XX веков у ногайцев Северного Кавказа происходит процесс разложения и упадка кочевого скотоводства. Табунные формы скотоводства постепенно заменяются домашними типами, появляются постоянные жилища, развивается земледелие.

Ключевые слова:

Северный Кавказ; ногайская степь; кочевники; ногайцы.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The relevance of the study is due to the insufficiently studied and fragmentary coverage of the problem of development and regression of the Nogai societies of the North Caucasus traditional economic sectors in the 19th — early 20th centuries. The novelty of the study lies in the fact that in this study, the situation of the main economic sectors of the Nogais (horse breeding, sheep breeding, cattle breeding) is considered in a historical retrospective in the relationship of state policy aimed at transferring the nomadic Nogais to a settled state, reducing pasture spaces and natural and climatic phenomena and factors that caused emergency situations in the economy of nomadic societies. As a result of this impoverished pastoralists were forced to switch to a semi-nomadic or sedentary form of life. The author draws attention to the fact that in the conditions of a shortage of water sources and extreme (abnormally cold and abnormally hot) weather, the extensive nomadic pastoralism of the Nogais in the 19th and early 20th centuries experienced a serious crisis. It is concluded that at the end of the 19th — beginning of the 20th centuries, the Nogais of the North Caucasus were undergoing a process of decomposition and decline of nomadic pastoralism. It is noted that herd forms of cattle breeding are gradually being replaced by domestic types, permanent dwellings appear, agriculture is developing

Key words:

North Caucasus; Nogai steppe; nomads; Nogais.

Особенности состояния экономики ногайских обществ Северного Кавказа в XIX — начале XX веков

© Джумагулова А. Т., 2022

1. Введение = Introduction

Изучение экономического развития обществ кочевых ногайцев в XIX — начале XX веков относится к одной из актуальных проблем в отечественной исторической науке. Важность разработки этой проблемы определяется не только необходимостью дать правильную характеристику одного из наиболее сложных периодов в истории ногайцев, связанного с процессом седентеризации кочевых обществ, но и большим значением тех выводов, которые следуют из анализа данного конкретного материала.

Настоящая работа ставит своей целью осветить экономическое положение обществ кочевых ногайцев, проживавших на территории Северного Кавказа в XIX — начале XX веков в контексте влияния государственной политики, сокращения пастбищных пространств, а также природно-климатических явлений и иных факторов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Исследование осуществлено на основе принципов историзма, объективизма и системности. В результате применения статистического метода дана количественная характеристика поголовья скота обществ кочевых ногайцев в рассматриваемый период. Методологическую основу работы составили сочетание общенаучных положений, принципов и методов исторической науки.

Изучение и анализ экономического состояния традиционных хозяйственных отраслей ногайцев осуществлены на основе использования широкого круга многообразных материалов и источников. Эти источники составляют эмпирическую базу, практическую основу исследования, позволившие автору проследить действие основных закономерностей развития традиционных хозяйственных отраслей ногайского народа и сделать обобщающие выводы.

Первую группу материалов составили исследовательские работы, вторую — отчеты государственных служащих и заметки путешественников, третью — сборники документальных материалов.

В исследовании были использованы архивные материалы Государственного архива Ставропольского края и Российского государственного военно-исторического архива.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

Скотоводство относится к наиболее древним занятиям ногойского народа. О скотоводческом хозяйстве ногойских обществ имеются многочисленные данные в записках иностранных путешественников, побывавших в ногойских землях в XV—XIX веках. Богатые сведения сохранили и русские документы-летописи, дипломатическая переписка, акты, военные донесения и т. д. Источники свидетельствуют об огромных стадах лошадей, коров, верблюдов, овец и коз, перегоняемых ногойцами по степям Поволжья и Предкавказья.

Традиционной формой хозяйственной деятельности ногойских обществ было кочевое скотоводство, в особенности коневодство, овцеводство и разведение крупного рогатого скота. Хозяйственно-экономическая жизнь ногойцев не предусматривала создания запаса кормов. Этот недостаток восполнялся хорошим знанием ими районов кочевья, умением выбирать выпасы и вовремя передвигать стада и табуны лошадей. Все необходимые ресурсы к проживанию — жилище, пища, одежда — давало им кочевое хозяйство. Скот служил тягловой силой, имел товарное значение. Избытки своих промыслов ногойцы сбывали на рынки Кизляра, Моздока, Ставрополя, Грозного, Астрахани, Нахичевана и др. [Самойлов, 1881, с. 1].

3.1. Государственная политика по переводу ногойских обществ Северного Кавказа в оседлое состояние

Ногойские общества с конца XVIII века, то есть с периода вхождения в состав Российской империи, размещались в четырех ногойских приставствах. Калаус-Джебойлуковские ногойцы занимали равнинные степные пространства по рекам Калаусу и Янкулям Ставропольского округа Кавказской губернии. Калаус-Саблинские и Бештово-Кумские общества кочевали по рекам Куме и Сабле Георгиевского округа. В Моздокском округе, между Моздоком и Кумой, кочевали Ачикулак-Джембойлуковские ногойцы. Караногойские общества и часть едишкульцев занимали степные пространства Кизлярского округа. Часть ногойских обществ проживали около бассейнов рек Кубани и Урупа [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2919, л. 5—6]. По данным 1829 года, в Кавказской области тогда проживало 74 870 ногойцев [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 685, л. 101—104].

Непосредственно управлял ими главный пристав. В 1822 году начальник Кавказской области генерал А. П. Ермолов подписал «Наказ для управления ногойцами». С февраля 1827 года «Наказ...» был утвержден как «Устав для управления ногойцев и других магометан, кочующих в Кавказской области» [ПСЗРИ-II, т. 2, с. 107—155].

Главный пристав подчинялся начальнику Кавказской области. Обязанности главного пристава заключались в распределении податей и повинностей

для каждого ногайского пристава, надзор за сбором и расходом общественных денег и иные относящиеся к гражданскому ведомству дела. Частные приставы находились в непосредственном подчинении главного пристава. Их обязанности были схожи с обязанностями земского комиссара, так как земская полиция не имела власти в ногайских кочевьях. Частный пристав следил за порядком и спокойствием среди вверенного ему народа. Он не имел права вмешиваться в распределение общественных денег, однако нередко приставы, злоупотребляя своим положением, присваивали себе значительную часть общественных денег. Наиболее показательны в этом отношении разбирательства и расследования против пристава Корнилова [АКАК, т. 2, с. 21, 986] и генерал-майора С. А. Портнягина [АКАК, т. 5, с. 855—861].

Административное объединение ногайцев в пристава не уничтожило родо-племенное деление среди ногайских обществ. Подобные связи были еще сильны среди ногайцев, и местная администрация должна была с этим считаться. Так, к примеру, перепись населения и скота производилась по кубам, согласно им распределялась и натуральная повинность, а также территория для перекочевков. Каждый куб избирал голову, двух старшин и одного казначея, а каждый аул — старосту и десятника сроком на один год. Все выборные должности утверждались главным приставом [ПСЗРИ-II, т. 2, с. 145—146].

Российская администрация с начала XIX века принимала различные меры, чтобы объяснить кочевым ногайским обществам выгоды оседлой жизни и занятия земледелием. Ногайцы-скотоводы не имели развитых навыков обработки земли. Однако не это выступало причиной нежелания переходить в оседлое состояние и обрабатывать землю. В составе Крымского ханства в первой половине XVIII века и позднее ногайские общества демонстрировали возможности сочетать традиционное занятие скотоводством с выращиванием зерновых и бахчевых культур. Важную роль сыграли тогда плодородность земель и благоприятность природных условий территории проживания ногайцев [Джумагулова, 2019, с. 46—67].

На Северном Кавказе, в местах с благоприятными природно-климатическими условиями, ногайцы также практиковали создание оседлых поселений. К ним относились кубанские ногайские общества, а также некоторые общества Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского пристава и часть ногайцев Калаус-Джембойлуковского пристава. Территорию Ачикулак-Джембойлуковского и Караногай-Едишкульского пристава в большинстве своем занимали безводные полупустынные территории.

Приведем выдержку из характеристики территорий этих двух приставств, данную агрономом в XIX веке: «Одной из главных к тому причин (речь идет о кочевом образе жизни ногайцев и об отсутствии земледельцев

среди них. — *А. Д.*) служит безводная и крайняя непроизводительность почвы, как и вообще вся караногайская степь составляет самое бесплоднейшее и безводное пространство губернии; здесь едва возможно прокармливать незначительное число скота» [Сборник ..., 1863, с. 106].

В 1802 году отставной капитан Новицкий подал на имя императора проект о строительстве канала, соединяющего реку Куму с Каспийским морем. На старых картах река Кума впадала в Каспийское море, но затем ее русло стало заноситься песком, и река в XVIII веке уже не доходила до моря. Новицкий же предлагал восстановить прежнее русло реки, он писал: «От той реки можно взять часть течения и оросить на Кизлярской степи несколько тысяч десятин земли, то через год Кизлярские жители и кочующие ногайцы могут произвести знатное хлебопашество, а со временем может тут быть селение, ибо сии места безводны теперь, пусты и дикопорозжи» [АКАК, т. 2. с. 1056]. Новицкий не получил ответа относительно своего проекта. Через два года он вновь подал его на рассмотрение, но ответа снова не последовало.

Вопрос о наделении ногайцев дополнительной плодородной землей ставился неоднократно, так как местные власти признавали полезность ногайцев государству и констатировали их бедственное экономическое положение в безводных степях. Генерал А. П. Ермолов в 1818 году ставил вопрос о выделении ногайцам дополнительных земель, лежащих по правому берегу реки Терека [АКАК, т. 6, ч. 2, с. 641—642]. Однако предложение Ермолова не было принято и караногайцы продолжали кочевать на территории 800 тысяч десятин, из которых большая часть представляла солончаки и сыпучие пески.

По данным 1829 года, едишкульские общества в 1829 году посеяли озимой пшеницы 109 четвертей и 39 четвертей проса. Ногайцы Ачикулак-Джембойлуковского приставства в 1839 году посеяли озимой пшеницы 188 четвертей [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 1330, л. 14—18, 25—30]. Тем не менее обработка земли и занятия земледелием занимали незначительное место в общей экономике этих обществ.

В 1835 году управляющий Кавказской областью генерал А. А. Вельяминов собрал сведения о кочующих ногайских обществах и об их экономическом благосостоянии. На основании этих данных он составил проект о переводе ногайцев в оседлое состояние и о поощрении их к занятиям земледелием. Проект был подан на имя императора, однако намерениям Вельяминова не суждено было осуществиться, так как император Николай I поставил на проекте резолюцию: «Зачем?» [АКАК, т. 8, с. 774]. Она на долгие годы предопределила экономическую структуру и хозяйственный быт ногайских обществ, проживавших на территории Северного Кавказа.

Однако и развитие скотоводческого хозяйства было тесно связано с вопросом земледелия и землепользования. Поземельные споры были очень острыми на Северном Кавказе и серьезно беспокоили местные власти. Часто происходили споры между ногайскими обществами и казаками, калмыками и туркменами. Последние также занимались кочевым скотоводством на Кавказе [Джумагулова, 2019, с. 99—102].

Местные и центральные власти принимали некоторые меры по упорядочению землевладения и землепользования, среди которых были такие, как частичное межевание на левом фланге Кавказской линии в 1802—1803 годы, Указы от 19 мая 1806 года об отмежевании земель калмыкам, в 1810 году — о наделении земель кочующих магометан, в 1819 году — казаков, и только в 1827 году началась разработка проекта общих правил пользования землей [ГАСК, ф. 79, оп. 1, д. 1070, л. 54].

Таким образом, в вопросах землевладения и землепользования среди ногайцев на Кавказской линии долгое время существовал невообразимый беспорядок. Так, по данным 1836 года, Кавказский, Хоперский, Волжский, Горский и Моздокские полки в общей сложности имели излишки земли 189 391 десятина, тогда как ногайцы задыхались от безземелья и вынуждены были арендовать земли у Терско-Семейного войска в зимнее время с уплатой от 10 до 55 рублей от каждой кибитки [Берже, 1859, с. 487—488; Кочекаев, 1973, с. 76—77].

Таким образом, земель становилось меньше, чем было раньше, скот испытывал недостаток в пастбищах. Изъятия пастбищ приводили к нарушению пастбищно-кочевой системы кочевников. Одновременно с сужением районов кочевания в рассматриваемый период происходило также ухудшение качества используемых пастбищ. Это вполне понятно: чем меньше становилось хороших пастбищ (сокращалась их площадь), тем дольше на них находился скот. Выпас скота производился таким образом, что стадо не столько поело траву, сколько вытаптывало ее.

В западной части караногайской степи ежегодно и летняя, и зимняя пастьба, чередуясь, происходила на одних и тех же ограниченных пастбищах, и со временем они становились все беднее травой. Хуже всего в этом отношении обстояло дело у полuosедлых ногайцев Ачикулакского приахтара, ограниченного со всех сторон поселениями туркмен, караногайцев и русских крестьян. Скот из года в год «толпся» на одних и тех же пастбищах. «Район кочевания их или, собственно, выпаса скота ограничен 3—5-ти верстным расстоянием от аула, причем пастбища не подразделяются на зимние, летние или весенне-осенние» [Щеглов, 1910, с. 413]. В результате пастбища, расположенные вплотную к Бахлыганским и Бажиганским пескам, истощались, вытаптывались и превращались в песчаные степи.

В январе 1862 года в Ачикулак-Джембойлуковском приставстве на сходках решался вопрос о переходе обществ в оседлое состояние, только один Кангалынский куб не присоединился к этому решению [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 55, л. 18]. Тогда за счет средств общественного магометанского капитала было построено около тысячи домов [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 118, л. 113]. В Караногайском приставстве к оседлости решили перейти только 150 семей [ГАСК, ф. 249, оп. 2, д. 55, л. 114].

Дальнейший переход в оседлое состояние тормозился малоприспособленностью земель для занятий земледелием. В 1879 году ногайскую степь обследовал агроном Кузьмин, он писал в своем отчете: «Я не хочу сказать, что вся степь ногайская может быть в настоящее время занята оседлыми поселениями... Нет, ногайская степь далеко не рай земной, русским поселенцам там придется очень туго, так что они оттуда, пожалуй, разбегутся» [Статистика..., 1881, с. 17]. На основании заключения Кузьмина о состоянии и распределении земли было отведено под оседлые поселения в Ачикулакском приставстве 96 360 десятин, в Караногайском — 49 699 десятин. В общем пользовании ногайцев этих двух приставств находилось: Ачикулакском — 194 405 десятин, Караногайском — 955 206 десятин земли. Пригодность этой территории агроном Кузьмин охарактеризовал так: «... удобной для хлебопашества 25 %, земли временно удобной только для выпаса скота 25 %, неудобной, находящимися под сыпучими песками, солончаками, соляными озерами и камышами 43 % и под кочевьями, так называемых крещенных калмыков 7 %» [Статистика..., 1881, с. 18].

Таким образом, развитию земледелия в этих приставствах препятствовало отсутствие плодородных земель и вод. В 1878 году инженер Данилов представил проект сооружения судоходного Манычского канала. Постройка канала дала бы возможность оросить и обводнить значительную часть Прикаспийской низменности. Однако правительство не поддержало этот проект. Позже инженерами Нырковым и Веселовским был разработан проект орошения степи путем строительства Терско-Кумского канала с использованием для этого вод реки Терек. Судьба этого проекта была такой же, как и предыдущих [Кужелева, 1964, с. 51].

Водопоями у ачикулакских обществ служили копани, в которых вода была по большей части горькой и соленой. Жители многих аулов ездили за водой для пищи и питья за 8 и более верст к колодцам [Кочкаев, 1973, с. 80]. Из-за плохого качества воды и антисанитарных условий содержания колодцев часто вспыхивали эпидемии среди населения, а в знойные летние дни из-за недостатка воды гибли тысячи голов скота. Лишь в 1904 году по решению ногайского общества в Ачикулакском приставстве был заложен первый артезианский колодец. В 1907 году их было уже 7. Каждый колодец

обходился обществу от 3 до 5 тыс. рублей, и строительство производилось за счет средств магометанского капитала [Кужелева, 1964, с. 52].

В Караногайском приставстве вода повсеместно добывалась также из копаней, преимущественно горько-соленая, настолько, что ее не пил даже скот. Первый артезианский колодец был заложен в 1913 году при ставке Терекли-Мектеб [Кочекаев, 1973, с. 80].

Вследствие отсутствия воды значительная часть населения караногайских обществ не могла углубиться внутрь степи и кочевала вблизи Каспийского моря в 10—15-ти верстах. Для себя также возили морскую воду, а скот гоняли для водопоя к морю. Однако для этого необходимо было прогнать скот через казенные земли в Терской области. Кочевники платили высокую плату за каждую голову скота, что усугубляло и без того незавидное положение караногайцев [Бентковский, 1882]. Отсутствие естественных водоемов, служивших водопоем для скота, также было фактором, сдерживающим развитие скотоводства у ногайцев в рассматриваемый исторический период.

Когда же ногайцы уходили вглубь степи, то они попадали на кочевья своих же соплеменников. Так возникали споры и конфликты. Документы свидетельствуют о пастбищных ссорах между караногайцами и едисанцами, джембойлуковцами и туркменами. Эта борьба вела к ухудшению положения кочевых обществ, которые в результате взаимных набегов лишались собственного скота.

3.2. Влияние природно-климатических факторов на хозяйственные отрасли обществ кочевых ногайцев

Кочевое хозяйство ногайцев: коневодство, овцеводство и разведение крупного рогатого скота — в значительной степени зависело от природно-климатических явлений и факторов. Ногайцы-скотоводы никогда не заготавливали корм, и скот круглый год находился под открытым небом, зимой и летом добывая себе корм в степи. В знойные летние дни обычным явлением был массовый падеж скота из-за острого недостатка воды. Еще большим бедствием были суровые и продолжительные зимы, в это время многие ногайцы теряли почти весь свой скот и становились байгушами, то есть бродягами. Значительно влияли на поголовье и распространявшиеся эпизоотии. Лечение скота проводилось традиционными средствами. Больше внимания уделялось увеличению поголовья скота (вместо качественно улучшения различных пород скота и лошадей) [Самойлов, 1881, с. 13; Петухов, 1911, с. 11—12; Кужелева, 1964, с. 35—36].

Так, зима 1824—1825 годов была очень суровой. Начался массовый падеж скота, так как заготовленных кормов не было, а скот не мог добывать себе корм под толстым слоем льда и снега. В Ачикулак-Джембойлуковском

приставстве пало 11 538 лошадей, 14 658 голов крупного рогатого скота и 19 6132 овец. В Калаус-Джембойлуковском приставстве погибло 3 826 лошадей, 19 400 голов крупного рогатого скота и 15 534 овец. У караногайских и едишкульских обществ погибло в ту зиму 22 257 лошадей, 37 265 голов крупного рогатого скота и 91 818 овец [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 352, л. 11, 17, 22].

Ногайцы Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского приставств к этому времени были уже полуседлыми и наряду со скотоводством занимались земледелием. Жили они в саклях, для скота устраивали загоны и заготавливали небольшое количество сена на случай суровой зимы. Летом они перекочевывали вместе со скотом на летние пастбища и жили в кибитках. Бедствия зимы 1824—1825 годов их коснулись значительно меньше.

Кубанские ногайские общества по образу жизни и хозяйству значительно раньше вышеперечисленных ногайцев перешли к оседлой жизни, практикуя отгонное скотоводство.

В донесениях приставов за 1844—1845 годы опять указывалось, что суровая зима унесла большую часть скота у ногайцев. К началу марта у туркменских и караногайских обществ погибло 21 812 голов крупного рогатого скота и 72 018 овец. «Народ же ачикулак-джембойлуковский, — писал кавказский наместник М. С. Воронцов, — остался без лошадей и беднейшие из хозяев, лишившись во время зимы не только скота, но и топлива, жгли свои кибитки и уходили в селения для пропитания» [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 4006, л. 25—35]. Положение было настолько тяжелым, что Воронцов просил петербургские власти сложить с ачикулак-джембойлуковских обществ все недоимки, числящиеся за ними.

Рогатый скот «довольствовался полусгнившею давнею соломою или в камышах осокою, — писал ставропольский помещик А. Ф. Ребров, — нельзя теперь сделать счета, даже приблизительно, сколько в зиму сию погибнет скота у хозяев и у кочевых народов» [Ребров, 1845, с. 222].

В 1875 году только в Ачикулакском приставстве погибло от непогоды 2 779 голов или 50 % всего скота. Осталось — 2780 голов [Бентковский, 1876, с. 33].

«Зима 1892—1893 годов окончательно подорвала благосостояние многих караногайцев, — писал Г. Малявкин, — лошади от голода и недостатка в траве гибли сотнями, а овец осталось 50 или 25 %» [Малявкин, 1893, с. 158]. Г. Ананьев также отмечал тогда: «1888, 1889 и 1893 годы особенно памятли. Во время буранов погибла половина всех домашних животных» [Ананьев, 1908, с. 1—2].

В зиму 1892—1893 годов «скот, лошади и овцы, не находя для себя подножного корма, падали от голода тысячами, наполняя собою все овраги и балки. Больше всего пострадали от последних снежных заносов карано-

гайцы» [Кочкаев, 1973, с. 75]. В 1911 году от стужи и бескормицы погибло в Караногайском приставстве 19 верблюдов, 1696 лошадей, 2365 рогатого скота и 5528 овец [Капельгородский, 1914, с. 47].

Большие бедствия приносила чума, которая буквально косила крупный рогатый скот, и оспа — от нее погибали овцы. «Сибирская язва, — сообщала газета «Кавказ», — появившаяся... в кочевьях караногайцев..., вырвала несколько десятков жертв, а чума на скот довольно опустошила стада ногайцев» [Рудановский, 1864, с. 531]. По данным Г. Н. Прозрителева, в 1879 году скотоводов сильно беспокоили чума рогатого скота и овец, а также болезнь, известная под названием «кровавая моча» [Прозрителев, 1925, с. 41]. Именно тогда, отмечает автор, местные власти задумались о необходимости устройства ветеринарных пунктов в среде кочевых обществ [Прозрителев, 1925, с. 24—25].

В 1892—1894 годах в Ставропольской губернии свирепствовала чума. Министерством внутренних дел были изданы правила обязательного убоя скота, бывшего в соприкосновении с павшими от чумы животными. По словам современников, «целые гурты скота истреблялись, и человек из богатого в один день делался батраком» [Прозрителев, 1925, с. 24—25]. Это имело своим последствием сокращение скотоводства в регионе.

Немалый ущерб хозяйству кочевых обществ зимой доставляли нападения, волчьих стай, «уничтожающие только у одних ногайцев ежегодно до 600 голов крупного рогатого скота и до 5 тыс. мелкого» [Рудановский, 1863, с. 197—198]. Особенно свирепствовали волки в Караногайских степях, где в малодоступных песчаных бурунах они разводились в угрожающих количествах [Рудановский, 1863, с. 197—198].

Таким образом, безотрадную картину бедственного положения хозяйственных отраслей ногайцев под влиянием природных факторов рисуют нам источники XIX — начала XX веков.

3.3. Экономическое положение традиционных хозяйственных отраслей ногайцев в XIX — начале XX веков

Исторически наиболее развитой отраслью хозяйства ногайцев было коневодство. Разведение лошадей носило табунный характер. Ногайские лошади отличались неустойчивостью, прыткостью, неприязнательностью к корму. За свою выносливость они поставлялись в казачьи войска [Фарфаровский, 1909, с. 191—195]. Особо ценились ногайские аргамаки — парода быстрых и легких верховых лошадей [Кочкаев, 1973, с. 64; Кидирнязов, 2010].

В начале XIX века, по данным источников, вследствие бескормицы, от голода и стужи погибло три четверти всех ногайских лошадей, а оставшиеся были в самом жалком состоянии. Резко упала численность табунов и

у закубанских ногайцев, которые были практически истреблены набегами соседних народов. К началу 40-х годов XIX века «лучшие табуны были отбиваемы и временем, год от году, они у всех владельцев почти истреблены» [РГВИА, ф. ВУА, д. 6244, л. 106].

По данным сотника Косякина, у джембойлуковцев в 1824 году было 7 749 лошадей [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 167, л. 45—48], а в 1835 году их стало 842 [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2385, л. 3]. И только к середине XIX века численность их увеличилась до 3240 [Архипов, 1852]. В караногай-едишкульских обществах в 1812 году числилось 22 698 лошадей [АКАК, т. 5, с. 877—878]. К середине XIX века их количество сократилось до 15 557 голов. В 1892 году был зафиксирован подъем в сравнении с предыдущими годами, их количество увеличилось до 18 773 лошади. В 1914 году численность лошадей немного снижается — до 16 600 голов [Капельгородский, 1914, с. 50]. Наименьшее количество лошадей среди ногайских обществ было в Ачикулак-Джембойлуковском приставстве. В конце XIX — начале XX веков, согласно официальной ведомости, их численность составляла чуть более 9000 голов [Прозрителев, 1925].

В хозяйственной жизни ногайцев важную роль играл крупный рогатый скот (породы «красный астраханский» или ногайский). Выпас скота продолжался обычно круглый год, за исключением сильных морозных дней [АКАК, т. 4, с. 909]. «В суровые и снежные зимы, когда скотина не в состоянии выбивать снег, чтобы добраться до травы, ногайцы Ставропольской губернии часто обращались за покупкой сена к русским крестьянам ведомства государственных имуществ, у которых всегда имелся их избыток» [Забудский, 1851, с. 202—203]. Стог сена обходился ногайцам в 3—5 рублей серебром [Забудский, 1851, с. 202—203].

Кубанские ногайцы значительно раньше остальных ногайских обществ адаптировались к условиям северокавказских степей. Скотоводство у них на протяжении XIX века было отгонным. Зиму скот проводил в аулах, лето — на горных пастбищах. Во выюжную погоду весь свой скот они подгоняли к лесу, так они спасали значительную часть своего поголовья [Кочекаев, 1973, с. 66].

По данным пристава Ахвердова от 29 января 1812 года, караногайцы имели 54 465 голов крупного рогатого скота [АКАК, т. 5, с. 877—878]. В 1837 году их численность возросла даже до 62 028 голов [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2345, л. 70, д. 2819, л. 5—6]. Однако со второй половины XIX века фиксируется резкое снижение численности. Так, в 1850 году было 54 331 [Архипов, 1852], в 1851 — 40 500 [Забудский, 1851, с. 178], 1872 — 35 693 [Капельгородский, 1914, с. 50], 1879 — 32 168 [Бентковский, 1879, с. 32], 1882 — 28 999 [Бентковский, 1882] (по другим данным — 30 770 [Бент-

ковский, 1883, с. 450—452]). Численность рогатого скота у караногайцев не увеличивалась и в начале XX века. В 1912 году было 34 400, и в 1914 году — 33 770 голов [Капельгородский, 1914, с. 50].

В начале XIX века (1812) у ачикулак-джембойлуковских ногайцев было рогатого скота — 9 418 голов [АКАК, т. 5, с. 877—878]. Наибольшее число голов скота было в 1829 году — 15 259 [Прозрителев, 1925]. В результате сильных морозов и бескормицы ногайцы постепенно теряли свой скот, который год от году уменьшался и доходил иногда до ничтожной цифры. Так, в 1839 году на 10 966 душ населения было всего лишь 1822 головы рогатого скота [Прозрителев, 1925, с. 39]. Эта заметная разница доказывает, каким случайностям было подвержено кочевое скотоводство под влиянием природных факторов. Только с переходом к оседлости со второй половины XIX века заметно увеличивается поголовье крупного рогатого скота. В Ачикулакском приставстве это количество достигает в 1879 году — 19 187 [Бентковский, 1879, с. 32], в 1896 — до 20 058, а к 1902 году — до 23 298 голов [Прозрителев, 1925]. Немалую роль в этом процессе сыграла практика заготовки сена на зиму оседлыми и полuosедлыми ногайцами [Щеглов, 1910, с. 446, 482; Кидирниязов, 2010].

До переселения в Османскую империю в 60-х годах XIX века у калаусо-саблинских и бештово-кумских, а также калаусо-джембойлуковских ногайцев в 1850 году было соответственно 20 200 и 19 760 голов крупного рогатого скота [Забудский, 1851, с. 178].

При характеристике скотоводства ногайцев нельзя не упомянуть о разведении верблюдов. Ногайцы, имеющие верблюдов, взваливали свой багаж и домашнюю рухлядь «на высокорослого, терпеливого и шагистого животного» и целым караваном отправлялись в путь. «Верблюды встречаются белые и рыжие, но все поголовно двугорбые», — писал о них С. В. Фарфоровский [Фарфаровский, 1909, с. 191—195].

Численность верблюдов в ногайских обществах в первой половине XIX века значительно сократилась. В 1837 году по всем ногайским приставствам насчитывалось 62 верблюда, в том числе у калаус-джембойлуковских ногайцев — 10, караногай-едишкульских — 48, ачикулак-джембойлуковских — 4. Калаусо-саблинские и бештово-кумские общества не имели верблюдов. [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2345, л. 62, 70; д. 2819, л. 5—6].

Тем не менее во второй половине XIX века ногайцы стали разводить верблюдов в качестве молочного скота. В 1879 году у караногай-едишкульских обществ было уже 568 голов, у ачикулак-джембойлуковских — 429 верблюдов [Бентковский, 1879, с. 32].

К 1892 году у караногайских обществ численность верблюдов увеличилась до 2557 голов. Однако к 1914 году их поголовье сократилось более

чем вдвое — до 1115 голов [Капельгородский, 1914, с. 50; Кидирнязов, 2010]. А ногайцы Ачикулакского приставства почти полностью потеряли верблюдов. По данным П. Прозрителева, у них осталось всего лишь 43 верблюда [Прозрителев, 1925].

Наиболее развитой отраслью хозяйства в XIX веке у ногайских обществ было овцеводство. «Овцы их с курдюками. Из каждого они вытапливают сало до 30-ти фунтов», — отмечал А. М. Павлов [Павлов, 1842, с. 13]. Овцы были различной масти: «белые, рыжие, черные и серые» [Павлов, 1842, с. 13].

В связи с ограниченностью пастбищных пространств и водворением ногайцев в безводные районы развитие овцеводства в Ачикулакском приставстве в первой половине XIX века сдерживалось. О резком сокращении поголовья овец можно судить по следующим данным. В 1829 году у них было 8452 овцы, через 10 лет, то есть в 1839 году их численность стала уже 1456 голов [Прозрителев, 1925], в 1850 году — 3200 голов [Архипов, 1852]. Только с переходом к оседлости ногайцы Ачикулакского приставства начали заготавливать и строить помещения для скота. С этого времени начинается некоторый подъем овцеводства. В 1879 году ногайцы этого приставства имели уже 55 545 овец [Бентковский, 1879, с. 32]. В 1902 году за ними числилось 43 302 овцы [Прозрителев, 1925].

Более высоких результатов овцеводство достигло в Караногайском приставстве. По сведениям пристава Ахвердова, в 1812 году за караногайскими обществами числилось 286 138 овец [АКАК, т. 5, с. 877—878]. В 1837—1838 годах численность овец немного снизилась — до 255 340 овец и коз [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2345, л. 71], но в дальнейшем сократилась еще больше, и во второй половине XIX века их насчитывалось не более 106 000 — 130 000 голов. Вот некоторые цифры: 1850 год — 116 718 [Архипов, 1852], 1872 — 106 300 [Капельгородский, 1914, с. 50], 1882 — 110 266 [Бентковский, 1882, с. 30] (по другим данным — 120 992 [Бентковский, 1883, с. 184—186], 122 600 [Капельгородский, 1914, с. 50]), 1892 — 130 400 голов [Капельгородский, 1914, с. 50]. В 1902 году численность овец вновь увеличилась до 250 500 голов [Капельгородский, 1914, с. 50].

Однако это поголовье главным образом принадлежало зажиточным хозяйствам, а основная масса народа владела только небольшим числом овец или не имела их совсем [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 3997, л. 38].

Наряду с овцами ногайцы разводили коз, которые не давали много шерсти и не отличались «величиною» [Фарфаровский, 1909, с. 195]. Козы обычно содержались с овцами в общем стаде. Чаще всего их держали для внутренних хозяйственных нужд. Очень ценился ногайский чай на козьем молоке. Между тем общее число коз было небольшим. Лишь у караногай-

ских обществ в общем стаде мелкого скота козы занимали около 10 % их численности. В 1882 году караногайцы имели 11 876 коз [Бентковский, 1883, с. 154—156]. Ногайцы Ачикулакского приставства в 1837 году имели 3540 коз [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2345, л. 62]. Затем их число к середине XIX века более чем вдвое уменьшилось. В 1850 году коз у них было — 1500 [Архипов, 1852]. С 90-х годов XIX века начинается некоторое увеличение численности коз, но уровня 1837 года она так и не достигла. В 1882 году — 1922 козы [Бентковский, 1883, с. 154—156], в 1886 году — 2130 [Гвалчредзе, 1897, с. 741—743], в 1896 году — 2469 и в 1902 году — 2856 коз [Прозрителев, 1925].

У ногайцев Калаус-Джембойлуковского приставства в 1837 году имелось 2970 коз, Калаусо-Саблинского и Бештово-Кумского — 5388 коз [ГАСК, ф. 249, оп. 3, д. 2599, л. 94].

Таким образом, скотоводство у ногайцев подвергалось коренным изменениям в течение XIX — начала XX столетий. Особенность его заключалась в том, что кочевание происходило на небольшой территории близко расположенных друг от друга аулов без разделения постоянных и сезонных пастбищ (летних, осенних, зимних и весенних). Значительное влияние на хозяйственные отрасли оказали природно-климатические факторы: неплодородность земель, отсутствие естественных водоемов, многочисленные бураны и засухи, антисанитарные условия содержания колодцев, многочисленные эпизоотии.

К концу XIX века ногайцы все больше начинали заниматься земледелием и постепенно меняли свой образ жизни. Как представляется, этот переход был закономерным явлением, так как кочевое скотоводство, испытывая кризис, часто не могло обеспечить выживание ногайцев.

Бедняки из числа караногайских обществ, потерявших весь свой скот, выразили желание по примеру ачикулакских ногайцев поселиться оседло и заниматься земледелием. В связи с этим в 1897 году с 22 апреля по 14 мая в Караногайском приставстве работала комиссия, которая должна была распределить земли среди караногайских обществ. Однако члены комиссии решили, что нужно собрать дополнительные сведения о качестве почв ногайской степи, о хозяйстве ногайцев и т. д. Таким образом, вопрос о наделении караногайцев землей откладывался еще на несколько лет.

В 1910 году начальник Терской области, в состав которой вошло Караногайское приставство с 1888 года, создал особую комиссию с целью перевода караногайских обществ в оседлое состояние и решения земельного вопроса. Темпы работы комиссии были чрезвычайно медленными, и межевание земель затянулось вплоть до 1917 года. Для караногайцев остался нерешенным вопрос о переходе в оседлое состояние.

В Ачикулакском приставстве переход к оседлости происходил значительно быстрее. К концу XIX века $\frac{1}{3}$ ногайцев уже перешли к оседлой жизни и $\frac{2}{3}$ вели полукочевой образ жизни. Они занимались земледелием, хотя скотоводство продолжало играть главенствующую роль в их хозяйстве. В 1906 году состоялся сход джембойлуковского и едишкульского народов, на котором было принято решение — просить правительство оказать им помощь в связи с переходом к оседлости и выделить по 30 десяти земли на душу мужского пола. В 1907 году департамент государственных земельных имуществ создал землеустроительную партию, которая должна была изучить быт, условия земледелия и землепользования, произвести учет населения и скота у оседлых инородцев-магометан Ставропольской губернии. С 1907 по 1908 годы производилась нарезка участков для оседлых ногайцев из расчета по 7 десятин пашни на одного члена семьи мужского пола. В пользовании полуоседлых ногайцев находилось 191 489 десятин земли, из них пригодными были 125 507 десятин земли. Землепользование у ногайцев не регулировалось какими-либо нормами. Пользование землей определялось положением аула, каждый аул пас свой скот в ближайших окрестностях, насколько позволяло положение соседних аулов. Под пашню было отведено несколько участков, на которых могли сеять и ногайцы соседних аулов. Каждый мог сеять столько земли, сколько осилит, но осилить они могли очень незначительное количество. Продуктов земледелия едва хватало для удовлетворения нужд семьи [Кужелева, 1964, с. 55—56].

Итак, в середине и второй половине XIX века хозяйственно-экономическая жизнь ногайцев-скотоводов подвергалась изменениям. Ногайцы переходили к полукочевой или оседлой форме жизни, практикуя отгонно-пастбищное, стационарное и иные формы животноводства. Земледелие, на начальных этапах выступая в качестве подспорья традиционным видам деятельности, развивалось и к началу XX века прочно вошло в экономический быт ногайцев. Однако в условиях экономической рецессии и стагнации, охвативших ногайские общества в конце XIX — начале XX веков, ни скотоводческое хозяйство, ни земледелие, ни отхожие промыслы не обеспечивали необходимого прожиточного минимума ногайцам. В связи с этим переход от кочевого образа жизни к оседлости в рассматриваемый период совершался мучительно, через ряд переходных форм.

4. Заключение = Conclusions

Из сказанного выше можно сделать следующие выводы:

В хозяйственно-экономической деятельности ногайских обществ, проживавших на территории Северного Кавказа в XIX веке, главную роль занимало хозяйство кочевого типа. Скот и продукты скотоводства имели

товарное значение, мясомолочные продукты исторически обеспечивали ногайцев необходимым прожиточным минимумом.

В XIX — начале XX веков постепенное сокращение пастбищного пространства, необходимого для выпаса скота, выступавшего основным источником благосостояния ногайских обществ, и, как следствие, земельные конфликты с соседствующими народами обусловили кризис экстенсивного кочевого скотоводства. Свою роль сыграли и природно-климатические явления.

В течение XIX — начала XX веков имеют место упадок и разложение кочевого скотоводства в ногайских обществах. С середины XIX века ногайцы пытаются адаптировать традиционные кочевые формы ведения хозяйства, складываются переходные формы отгонно-пастбищного животноводства в соответствии с климатическими и кормовыми условиями местности. Тем не менее экономическое положение широких масс ногайских обществ в XIX веке систематически ухудшалось. Падение поголовья скота, неразвитость земледелия привели к экономической рецессии и стагнации.

В хозяйственно-экономическую жизнь ногайских обществ с середины XIX века входит земледелие. Впрочем, развитие земледелия у ногайцев сдерживалось непроизводительностью почв, так как большую часть земель ногайской степи составляли безводные полупустынные пространства. Государственная политика побуждения обществ кочевых ногайцев к оседлой жизни выступала важным фактором изменения традиционного кочевого уклада и хозяйственно-культурного типа ногайцев в XIX — начале XX веков.

Источники и принятые сокращения

1. АКАК — *Акты, собранные Кавказской археографической комиссией* : в 12 т. — Тифлис : Типография главного управления наместника кавказского, 1868. — Т. 2. — 1238 с. ; 1870. — Т. 4. — 1011 с. ; 1873. — Т. 5. — 1170 с. ; 1875. — Т. 6. Ч. 2. — 950 с. ; 1881. — Т. 8. — 1009 с.

2. ГАСК — *Государственный архив Ставропольского края*. ф. 79 (Общее управление Кавказской области), оп. 1, д. 1070, л. 54 ; ф. 249 (Управление главного пристава кочующих народов), оп. 2, д. 55, л. 18 ; д. 118 л. 113 ; оп. 3, д. 167, л. 45—48 ; д. 352, л. 11, 17, 22 ; д. 685, л. 101—104 ; д. 1330, л. 14—18, 25—30 ; д. 2345, л. 62, 70, 71 ; д. 2385, л. 3 ; д. 2599, л. 94 ; д. 2819, л. 5—6 ; д. 2919, л. 5—6 ; д. 3997, л. 38 ; д. 4006, л. 25—35.

3. ПСЗРИ — *Полное собрание законов Российской империи. Собрание Второе*. 12 декабря 1825 — 28 февраля 1881 гг. : В 55 т. — Санкт-Петербург : Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. — Т. 2. — 1561 с.

4. РГВИА — *Российский государственный военно-исторический архив*. Ф. 846 (Военно-ученного архива). Д. 6244, Л. 106.

Литература

1. *Ананьев А. Г.* Караногайцы, их быт и образ жизни / А. Г. Ананьев // Сборник сведений о Северном Кавказе. — Ставрополь : Типография Северокавказской газеты, 1908. — 29 с.
2. *Архипов А. П.* Ногайцы / А. П. Архипов // Кавказ : [газета]. — 1852. — № 4. — С. 15—16.
3. *Бентковский И. В.* Материалы для статистики экономического состояния Ставропольской губернии в 1875 году / И. В. Бентковский // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. — Выпуск 7. (Отд. 1). — С. 1—42.
4. *Бентковский И. В.* Наши кочевники и их экономическое состояние / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости : [газета]. — 1879. — № 32. — С. 34—35.
5. *Бентковский И. В.* Обзор экономического состояния инородцев, кочующих в Ставропольской губернии / И. В. Бентковский // Ставропольские губернские ведомости : [газета]. — 1882. — № 29—32.
6. *Бентковский И. В.* Статистико-географический путеводитель по Ставропольской губернии с приложением дорожной карты / И. В. Бентковский. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1883. — 452 с.
7. *Берже А. П.* Татарское племя на Кавказе / А. П. Берже // Кавказ : [газета]. — 1859. — № 87. — С. 486—488.
8. *Джумагулова А. Т.* Ногайцы Северного Кавказа, Крыма и Северного Причерноморья в социально-политических и экономических коллизиях XVIII — 60-х гг. XIX вв. / А. Т. Джумагулова. — Пятигорск : РИА-КМВ, 2019. — 248 с.
9. *Забудский Н. Н.* Военно-статистическое обозрение Российской империи : издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. — Санкт-Петербург : Типография Департамента Генерального Штаба, 1848—1858. — Т. 16, Ч. 5 : Ставропольская губерния, 1851. — 274 с.
10. *Капельгородский Ф. О.* Караногай / Ф. О. Капельгородский // Записки Терского общества любителей казачьей старины. — 1914. — № 10. — С. 43—53.
11. *Кидирнязов Д. С.* Экономические и культурные связи ногайцев Северо-Восточного Кавказа с соседними народами в XVIII—XIX вв. / Д. С. Кидирнязов. — Махачкала : ГУ «Дагестанское книжное издательство», 2010. — 152 с. — ISBN 978-5-297-01462-2.
12. *Кочекаев Б.-А. Б.* Социально-экономическое и политическое развитие ногайского общества в XIX — начале XX века / Б.-А. Б. Кочекаев ; под ред. акад. С. З. Зиманова. — Алма-Ата [Черкесск] : Ставропольское книжное издательство. Карачаево-Черкесское отделение, 1973. — 185 с.
13. *Кужелева Л. И.* Социалистические преобразования в хозяйстве, культуре и быту ногайцев : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.00 / Л. И. Кужелева. — Ленинград, 1964. — 249 с.
14. *Малявкин Г.* Караногай : Этнографический очерк / Г. Малявкин // Терский сборник. — 1893. — Выпуск 3. — Книга 2. — С. 133—173.
15. *Павлов А. М.* О ногайцах, кочующих по Кизлярской степи : сочинение путешествовавшего по России с 1824-го по 1835 г. Андрея Павлова / А. М. Павлов. — Санкт-Петербург : Типография департамента внешней торговли, 1842. — 47 с.
16. *Петухов П.* Описание части Кавказской области между реками Егорлык, Калаусом и Манычем, составленное капитаном Петуховым в 1843 году / П. Петухов // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. — 1911. — Выпуск 1. — С. 1—14.

17. *Прозрителев Г. Н.* Ставропольская губерния в историческом, хозяйственном и бытовом отношении. Часть вторая / Г. Н. Прозрителев. — Ставрополь : [б. и.], 1925. — 66 с.
18. *Ребров А. Ф.* Зима 1844—1845 гг. на степях прикумских на Кавказе / А. Ф. Ребров // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. — 1845. — № 3. — С. 220—292.
19. *Рудановский А.* Заметки о Кизлярском уезде / А. О. Рудановский // Кавказ : [газета]. — 1864. — № 96. — С. 524—525.
20. *Рудановский А.* О карангайской степи и кочующих на ней племенах / А. О. Рудановский // Кавказ : [газета]. — 1863. — № 48—52.
21. *Самойлов А. А.* Сведения об инородцах-магометанах Ставропольской губернии, собранные Главным приставом подполковником Самойловым / А. А. Самойлов. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1881. — 56 с.
22. *Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии.* Сведения историко-статистические, этнографические, сельскохозяйственные и др. — Ставрополь : Ставроп. стат. ком., 1868. — Выпуск 1. — 422 с.
23. *Статистика* населенных мест и поземельной собственности в Ставропольской губернии. — Ставрополь : Типография Ставропольского губернского правления, 1881. — Выпуск 9. — 274 с.
24. *Твалчрелидзе С. А.* Ставропольская губерния в статистическом, географическом, историческом, сельскохозяйственном отношениях / С. А. Твалчрелидзе. — Ставрополь : Типография М. Н. Карицкаго, 1897. — 743 с.
25. *Фарфоровский С. В.* Народное образование у ногайцев Северного Кавказа в связи с их современным бытом / С. В. Фарфоровский // Журнал министерства народного просвещения. — Серия 24. — 1909. — № 12. — Отд. 3. — С. 179—212.
26. *Щеглов И. Л.* Трухмены и ногайцы Ставропольской губернии. Сведения о хозяйстве оседлых и кочующих инородцев, русских крестьян и хуторян-овцеводов в Трухменской и Ачикулакской степи Ставропольской губернии : в 4 т. / И. Л. Щеглов. — Ставрополь : Типография Губернского правления, 1910—1911.

Material resources

- Acts collected by the Caucasian Archeographic Commission : in 12 vols.* (1868, 1870, 1873, 1875, 1881). Tiflis: Printing house of the main administration of the Governor of the Caucasus. (In Russ.).
- Russian State Military Historical Archive. F. 846 (Military Scientific Archive). D. 6244, l. 106.* (In Russ.).
- The complete collection of laws of the Russian Empire. The Second Meeting. December 12, 1825 — February 28, 1881: In 55 vols, 2.* (1830). St. Petersburg: Printing House of the II Department of His Imperial Majesty's Own Chancery. 1561 p. (In Russ.).
- The State Archive of the Stavropol Territory. f. 79 (General Administration of the Caucasus region), op. 1, d. 1070, l. 54; f. 249 (Office of the Chief Bailiff of Nomadic peoples), op. 2, d. 55, l. 18; d. 118, l. 113; op. 3, d. 167, l. 45—48; d. 352, l. 11, 17, 22; d. 685, l. 101—104; d. 1330, l. 14—18, 25—30; d. 2345, l. 62, 70, 71; d. 2385, l. 3; d. 2599, l. 94; d. 2819, l. 5—6; d. 2919, l. 5—6; d. 3997, l. 38; D. 4006, L. 25—35.* (In Russ.).

References

- Ananyev, A. G. (1908). Karanogaytsy, their way of life and lifestyle. In: *Collection of information about the North Caucasus*. Stavropol: Printing house of the North Caucasian newspaper. 29 p. (In Russ.).

- Arkhipov, A. P. (1852). Nogaytsy. *Kavkaz: [newspaper]*, 4: 15—16. (In Russ.).
- Bentkovsky, I. V. Materials for statistics of the economic state of the Stavropol province in 1875. *Collection of statistical information about the Stavropol province*, 7 (Ed. 1): 1—42. (In Russ.).
- Bentkovsky, I. V. (1879). Our nomads and their economic condition. *Stavropol provincial vedomosti: [newspaper]*, 32: 34—35. (In Russ.).
- Bentkovsky, I. V. (1882). Review of the economic condition of foreigners wandering in the Stavropol province. *Stavropol provincial vedomosti: [newspaper]*, 29—32. (In Russ.).
- Bentkovsky, I. V. (1883). *Statistical and geographical guide to the Stavropol province with the appendix of the road map*. Stavropol: Printing house of the Stavropol Provincial Government. 452 p. (In Russ.).
- Berge, A. P. (1859). Tatar tribe in the Caucasus. *Kavkaz: [newspaper]*, 87: 486—488. (In Russ.).
- Collection of statistical information about the Stavropol province. Historical and statistical information, ethnographic, agricultural, etc., 1.* (1868). Stavropol: Stavropol. stat. com. 422 p. (In Russ.).
- Dzhumagulova, A. T. (2019). *Nogais of the North Caucasus, Crimea and the Northern Black Sea region in socio-political and economic collisions of the XVIII — 60s of the XIX centuries*. Pyatigorsk: RIA-KMV. 248 p. (In Russ.).
- Farforovsky, S. V. (1909). Folk education among the Nogais of the North Caucasus in connection with their modern life. *Journal of the Ministry of Public Education. Series 24*, 12 (3): 179—212. (In Russ.).
- Kapelgorodsky, F. O. (1914). Karanogai. *Notes of the Tersk Society of lovers of Cossack antiquity*, 10: 43—53. (In Russ.).
- Kidirniyazov, D. S. (2010). *Economic and cultural ties of the Nogais of the North-Eastern Caucasus with neighboring peoples in the XVIII—XIX centuries*. Makhachkala: State Institution “Dagestan Book Publishing House”. 152 p. ISBN 978-5-297-01462-2. (In Russ.).
- Kochekaev, B.-A. B. (1973). *Socio-economic and political development of Nogai society in the XIX — early XX century*. Alma-Ata [Cherkessk]: Stavropol Book Publishing House. Karachay-Cherkess. 185 p. (In Russ.).
- Kuzheleva, L. I. (1964). *Socialist transformations in the economy, culture and everyday life of Nogais*. PhD Diss. Leningrad. 249 p. (In Russ.).
- Malyavkin, G. (1893). Karanogai: Ethnographic essay. *Tersky collection*, 3 (2): 133—173. (In Russ.).
- Pavlov, A. M. (1842). *About Nogais roaming the Kizlyar steppe: an essay by Andrei Pavlov, who traveled in Russia from 1824 to 1835*. St. Petersburg: Printing house of the Department of Foreign Trade. 47 p. (In Russ.).
- Petukhov, P. (1911). Description of the part of the Caucasian region between the rivers Egorlyk, Kalaus and Manych, compiled by Captain Petukhov in 1843. *Proceedings of the Stavropol Scientific Archival Commission*, 1: 1—14. (In Russ.).
- Prozritelev, G. N. (1925). *Stavropol province in historical, economic and domestic terms. Part Two*. Stavropol: [b. i.]. 66 p. (In Russ.).
- Rebrov, A. F. (1845). Winter of 1844—1845 on the Prikum steppes in the Caucasus. *Journal of Agriculture and Sheep breeding*, 3: 220—292. (In Russ.).
- Rudanovsky, A. (1863). About the Karanogai steppe and nomadic tribes on it. *Kavkaz: [newspaper]*, 48—52. (In Russ.).

- Rudanovsky, A. (1864). Notes on the Kizlyar district. *Kavkaz: [newspaper]*, 96: 524—525. (In Russ.).
- Samoilov, A. A. (1881). *Information about the non-native Mohammedans of the Stavropol province, collected by the Chief Bailiff, Lieutenant Colonel Samoilov*. Stavropol: Printing house of the Stavropol Provincial Government. 56 p. (In Russ.).
- Shcheglov, I. L. (1910—1911). *Trukhmen and Nogais of Stavropol province. Information about the economy of settled and nomadic foreigners, Russian peasants and sheep farmers in the Trukhmen and Achikulak steppe of Stavropol province: in 4 volumes*. Stavropol: Printing House of the Provincial Government. (In Russ.).
- Statistics of settlements and land ownership in the Stavropol province, 9. (1881). Stavropol: Printing house of the Stavropol Provincial Government. 274 p. (In Russ.).
- Tvalchrelidze, S. A. (1897). *Stavropol province in statistical, geographical, historical, agricultural relations*. Stavropol: Printing house of M. N. Karitskago. 743 p. (In Russ.).
- Zabudsky, N. N. (1848—1858). *Military Statistical Review of the Russian Empire: published by the highest order at the 1st Department of the Department of the General Staff*, 6 (5). St. Petersburg: Printing House of the Department of the General Staff. 274 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 11.06.2022,
одобрена после рецензирования 10.08.2022,
подготовлена к публикации 25.09.2022.